

ГЛАВА 63

В понедельник, 29 сентября, высчитав оставшуюся к оплате разницу за «двушку» с учетом уже оплаченной суммы за «однушку», мы отнесли эту сумму в кассу застройщика.

- Когда пойдешь с ней разговаривать? – посмотрел на меня Сергей, едва мы вышли из офиса строительной компании и сели в «мазду».

- В начале октября! – сказал я. – Когда я к ней пойду, она увидит, что у нас сумма полная есть уже на «двушку» и просто нужно объединить, и ей будет легче согласиться...

В последний день сентября пришла фура с солями из Питера, шестнадцать тонн. Объемы уже были не те, что прежде, но мы еще шли неплохо. Выгружали товар наемные грузчики, я и Сергей трудились на укладке. С погодой везло – вернулась настоящая сухая теплая осень, к полудню мягкий южный ветер надул двадцать градусов тепла. Я работал в старой мастерке, едва ли отличаясь внешне от грузчиков. Сергей выглядел основательнее. Он стянул пузо своим поясом, отчего раздулся в груди и, сопя и пыхтя, размеренно клал коробки на поддоны. С короткими перекурами и отдыхом минут в двадцать на фуру ушло шесть часов. Пару раз пили чай. Мысли продолжали бродить в голове, отвлекая меня от монотонного труда. Я в который раз думал о том, что общение с Сергеем сильно изменило меня. Я стал внимательнее к мелочам. Раньше я видел события лишь в крупных деталях. Теперь же вдобавок развилось и восприятие мелких. И одно видение дополнилось другим, и мир в моих глазах приобрел объем. Глаз цеплялся за мелочи сам. И прицепился к поясу Сергея. Я понял, что понимаю факт его появления уже иначе, не так, как объяснил тот. В сорванную когда-то спину не верилось. Я присмотрелся к стилю работы Сергея – он носил коробки неспешно, стараясь принимать их у грузчиков как можно позже. Я глянул на себя со стороны и удивился контрасту с напарником – я трудился энергично, двигаясь быстрее раза в два и перенося больший вес. Вдруг подумалось – а что, если Сергей всю историю со спиной придумал, чтоб иметь веское оправдание ленивой манере работы? Пояс купил для пущей убедительности. Я вспомнил сорванную спину отца, тот, делая неловкое движение, охал от боли, подгибался в ногах и после полдня с трудом разгибался – так по-настоящему прихватывало сорванную спину. У Сергея подобного я не видел. И мне не нравился новый образ моего мышления – он отдавал паранойей. Но я уже ничего не мог с собой поделать, поэтому замедлился и стал носить коробки так же неспешно, как и Сергей.

- Заказали мы котенка! – произнесла Вера, сосредоточенно занимавшаяся «учебой», прервала работу и посмотрела на меня с довольным выражением лица.

- Все-таки заказали!? – переспросил я. – И сколько... десятка?

- Да, десять тысяч, - сконфузилась Вера и тут же начала оправдываться. – Но мы уж решили, дети хотят такую кошку...

- Десять тысяч... – покачал я головой. – Вон... бесплатно бы тут такого же взяли...

- Не, Роман, мы уже решили, заказали! – сидя расслабленно в кресле, решительно тут же обрезал меня Сергей и отмахнулся от любых дальнейших возражений.

- Дело ваше, - пожал я плечами и посмотрел на Веру. – И через сколько привезут?

- Ой, Ром! – прервалась снова та, вздохнула. – Сказали две недели...

- Ну там, пока все документы оформят, пока все прививки сделают...! – взмахнул небрежно руками Сергей, приняв в кресле еще более расслабленную позу. На календаре

был первый день октября. Среда у нас всегда выходила «офисным» днем. К обеду все дела были сделаны, и Вера полностью погрузилась «учебу». Сергей скучал, я тоже.

- Че ты сидишь? – вдруг произнес он, глянул на мобильник. – Время уже три... ехал бы домой. Дела все поделали, накладные набили на завтра... Едь домой, Роман!

Я задумался.

- Я б сам поехал! – добавил Сергей, махнул рукой в сторону Веры. – Если б не это... Верку́ учебу надо делать, поэтому мы тут до пяти точно будем, а может даже и до шести...

Сергей смачно зевнул, отчего второй подбородок беспокойно задвигался.

- До пяти, Серж! – выдала Вера без отрыва от монитора. – Мы договаривались с твоим папой, что он до шести побудет с детьми, и мы приедем!

- А, ну да, точно... – кивнул Сергей, скрестил руки на груди. – Все верно, Веро́к.

Кризис все сильнее проникал в сознание каждого. Из-за вынужденного ускорения выплат по договорам долевого строительства в нашей фирме возникла финансовая дыра, торговые обороты к ноябрю ожидаемо снизились, и долги за товары гасились нами со все большими просрочками. Вопрос надо было решать, и я озвучил свои тревоги напарнику.

- Нам нужно будет что-то думать, чтоб выровнять ситуацию и закрыть все долги! – сказал я, когда мы оказались с ним наедине в «мазде». – Просто мы и так уже много кому начинаем долги просрочивать, а это плохо, нам могут перестать отгружать товар...

- Ну да, нехорошо, – буркнул Сергей, задумчиво ведя машину, и через пару секунд бодро выдал. – Роман, ну а где мы деньги возьмем!? Ну если их нет щас!? Пусть ждут!

- Нет, Серый, это не вариант! – тут же жестко отрезал я типичную попытку Сергея уйти от проблемы и пустить дела на самотек. – Засрать бизнес – это не умное решение!

Тот окаменел в лице, услышав нелицеприятное и явно адресованное ему.

- Ну и что ты предлагаешь? – буркнул Сергей обиженно.

Мне было плевать на его капризы, надувания губ, драматически грустные паузы – все это меня уже достало! Я имел дело с «тряпкой» – капризной, амбициозной, ленивой, хитрой, скользкой, непорядочной личностью. Такое понимание Сергея укрепилось во мне бесповоротно. На любые его ухищрения, будь то затягивание решения, уход от проблемы, забалтывание темы разговора, изображение немощности и прочее, я перестал реагировать. При малейшем нажатии на него Сергей буквально выскользывал из рук как кусок мыла. Я уgomонил вспышку злости и принялся спокойно и логически выверено давить на него:

- Серый, я предлагаю простую вещь – посчитать необходимую нам сумму денег и временно ее внести в фирму, а как только мы заработаем недостающие деньги, то заемные выведем обратно! По моим прикидкам нам не так уж много надо – сто, максимум двести тысяч на пару месяцев... ну, скажем, до конца года...

- Ну, и где ты хочешь занять эти деньги? – заметно напрягся Сергей.

- У самих себя и возьмем! Принесем, половину – я и половину – ты! – сделал я следующий ход, подвинув Сергея к очевидному решению. – Ты ж сам говорил, помнишь, что у тебя там пятьсот тысяч есть в акциях и, если надо будет фирме, то ты вынешь их и принесешь! Вот сейчас как раз такой момент! Нам пятьсот не надо, тут от силы две сотни потребуются на пару месяцев... так что... Сотню, я думаю, ты же сможешь принести!?

Я припер Сергея к стенке, и лицо того обвисло в растерянной задумчивости.

- Ну а ты-то сможешь сотню принести? – буркнул Сергей.

- Я у отца займу... У меня у самого нет денег, все на ремонт уходит, а у него есть... Я думаю, он даст без проблем! И кстати, можно даже сделать так, чтоб это не выглядело халявой какой-то – возьмем деньги в фирму под проценты, скажем... – прикинул я. – Два процента в месяц! На сто тысяч – две тысячи в месяц, нормально... Что скажешь, Серый!?

- Не, ну идея нормальная! – вздохнул тяжело тот.

- Ну и все тогда, договорились! – ввернул я. – Как понадобится...

- Не, ну надо просто все хорошенько обдумать! – тут же уперся Сергей. – Я, например, не могу прямо сейчас взять и принести сто тысяч!

Я сам себе ухмыльнулся – рассказы про «полмиллиона», которые Сергей может в любой момент «вынуть и принести в фирму» запахло враньем, тем самым «пыжовством». Я понимал, что какая-то сумма в зачатке у Сергея есть, но явно меньшая, чем та, какой он передо мною рисовался. Я устроил обычную «проверку на вшивость», и Сергей, учуяв опасность раскрытия, уперся, выторговывая себе время для маневра.

- Не, Серый, а сейчас и не нужно! – ослабив нажим, бодро с деланным простодушием сказал я. – Нам деньги могут понадобиться в конце месяца или даже вообще в ноябре! Но лучше быть готовыми к концу октября! Поэтому, я заранее тебе тему и озвучил, чтоб это не было неожиданностью! А с отцом я сегодня поговорю... Ну так же, раз идея в принципе нормальная, тогда давай будем готовы принести, если нужно будет, по сотке в фирму, да!?

- Не, Роман, ну погоди! – сильнее уперся Сергей, произнеся слова нервно и сдвинув в раздражении брови. – Мне надо похлядеть по деньгам! Может, я сразу сотку и не смогу принести, а например, смогу только полтинник!

- А, ну хорошо! Посмотришь тогда по своим возможностям и скажешь, сколько сможешь принести в конце месяца, да!?! А я такую же сумму у отца возьму!

- Ну полтинник я вот смогу! – раздраженно выдал Сергей, будто злясь на то, что я вынуждал его озвучить финансовую несостоятельность. А я вынуждал. И загнал Сергея в тупик. Он не мог отказаться. Отказ равнялся признанию во вранье.

- А ну пусть так! – продолжал я имитировать простодушие. – Тогда давай принесем по полтиннику в конце октября и будем готовы, если понадобится, и в ноябре принести по полтиннику тоже... Хотя, может, и соткой обойдемся! Посмотрим, как дело пойдет... Да!?!

- Ну да, давай так, – буркнул Сергей.

- Че!?! Короче планируем по полтиннику в конце месяца, да!?! – уточнил я нарочно, хорошо выучив манеру напарника давать общие ничего не значащие ответы.

- Да! По полтиннику! Договорились, Роман! – выдал Сергей, посопел пару секунд, выдохнул тяжело. – Вот ты настырный, Роман... как прицепишься с какой-нибудь херней...

- Серый? – изобразил я удивление. – Да где я цеплялся? Надо же вопрос выяснить до конца, чтобы мы не говорили потом друг другу, что что-то недопоняли... один сказал так, а другой подумал так... Все чтоб четко было!

- Да я понял тебя... – удрученно буркнул Сергей, глядя задумчиво на дорогу.

Кризис жал все сильнее. Три процента, отстегиваемые Сене в «Меркурии», стали давить на прибыль. Я предложил Сергею попытаться уговорить Сеню понизить процент, тот согласился, и на следующий день в четверг я озвучил предложение Сене.

- Не, я за два процента даже жопу морщить не буду! – отрезал тот. – Мы с вами договорились на три, все, договор исполняем! А если вы не можете, то... уж извините... придется мне брать товар у тех, кто может...

Я понял, что предпринял неверный шаг, быстро отыграл все назад и retirовался.

Но кризис нам играл и в плюс – история с «Аэросибом» вдруг обрела продолжение. Коммерческий директор завода, прервав договор с нами, отдал дистрибьюцию аэрозолей оптовой компании в соседнюю область. Обо всем нам рассказала в телефонном разговоре сотрудница этой фирмы, знакомая Сергея. Она стала плакаться о том, что руководство ее компании подписало договор, по которому обязалось продавать аэрозолей аж на миллион в месяц, и что первая партия пришла в начале сентября, а уже октябрь, а не продана даже треть, и что она не знает, как быть и куда все это девать. Мое чутье тут же сработало.

- Серый... – прошипел я. – Серый! Скажи, что мы у нее будем брать «Аэросиб» на бартер, пусть даст минимальные цены, скажи, мы ее выручим и все прогоним через себя!

Естественно, девушка уцепилась за наше предложение. Через полчаса мы получили цены для нас и сравнили с отпускными ценами завода.

- Пять процентов! – кивнул возбужденно я. – Отлично! То, что надо! Предложим ей товар в бартер минимум через десять процентов и будем еще и в плюсе! И нахуй нам этот пижон не нужен! Пусть там у себя в Москве выебывается, хер с бугра!

- Роман! Блин... – расплылся в улыбке Сергей. – Взъелся на этого... Дался он тебе...

- Да ладно, это я так... паясничаю... Насрать мне на этого идиота! Главное – дело!

И дело выгорело. Мы стали регулярно получать продукцию «Аэросиба», и никто не узнал, что мы лишились официального договора дистрибьюции. Теперь мы брали товар на пару недель вперед и не накапливали складские запасы. Худо обернулось добром.

Погода наладилась, и торчать на авторынке стало не так скучно. Я отвлекал себя от этой рутины тремя способами – утренними дремотными разговорами по душам с Сергеем, стоянием у киоска с пирожками и кофе и наблюдением за жуликом Витей. Тот умудрялся продавать машины если не каждые выходные, то через раз точно.

Около одиннадцати пошел наплыв покупателей, Сергей куда-то делся, и я остался в «ниссане» один, поглядывая, как суетится у своей машины, метрах в семи от меня, Витя. Ручеек покупателей, шедший без задержек по верхнему ряду дорогих машин, достигнув нашего дальнего края площадки, упирался в него, стекал вниз и уже тут упирался в ряд из трех машин. Две из трех машин продавал Витя. Возле них ручеек крутился, раздумывая, куда бы пойти дальше. Чужа растерянность замешкавшихся людей, Витя крутился рядом и что-то приговаривал, будто мимоходом, невзначай, как мантру. Едва ли не каждый второй покупатель отзывался и переключал внимание на машины Вити. Таких тот опекал ближе, но ненавязчиво, через минуту уже показывая салон или задирая капот. Покупатели глубже затягивались в процесс осмотра его машин. Витя грамотно сужал им выбор предложений авторынка до своих автомобилей. С каждым клиентом он возился долго, не настаивая, но и далеко не отпуская. Наконец, покупатель подводился к важной точке принятия решения, колебался и, чаще, уходил. Витя не смущался, провожал его и продолжал лениво кружить вокруг своих машин, сканируя взглядом всё притекавших новых покупателей. Проходило не более трех минут, как Витя начинал весь процесс по новой. И вот покупатель клюнул. Мне было интересно, я вышел из «ниссана» и направился к киоску, как раз мимо Вити.

- ... аккуратная машинка, пробег небольшой, семейная пара ездила... – расслышал я обрывок фразы, загружаемой им в мозг покупателя. – А сейчас продают – кризис, а у них ипотека, платить надо, а жену уволили, поэтому они решили машину продать, а так бы не стали... машинка же аккуратная, сами видите...

Я получил стакан кофе и встал у киоска. Витю я уже не слышал, тот был метрах в десяти, лишь продолжил наблюдать за ним. На половине стакана сорвался очередной покупатель. Витя вернулся к расслабленному кружению. Объявился Сергей, не обнаружив меня внутри «ниссана», стал оглядываться, подошел к Вите, завязал с тем разговор и лишь теперь заметил меня. Я стал наблюдать за обоими. Исполняя роль, Сергей вел себя важно, приправляя образ ленными жестами и движениями. Только наблюдательный человек мог заметить фальшь поведения, а дотошный проникнуть глубже и обнаружить под вросшей маской значительности слабого пугливого и не очень развитого человечка. У меня ушло на это два последних года из трех. Первый не в счет, я был наивен и слеп... Я допил кофе, окольным путем вернулся к «ниссану» и с четверть часа просидел в нем. При Сергее Витя успел привлечь пару покупателей, но «добыча» ушла. Сергей вернулся в «ниссан».

- Нормально так Витя заливает там в уши, я смотрю... – произнес я.

- Да, неплохо... – кивнул Сергей, опуская уголки губ вниз – признак неподдельного впечатления. – Он при мне щас такой... Баба какая-то подходит, Витя ей: Да вот знакомый жене машину взял в кредит! А сами видите, сейчас кризис! Годик она покаталась, кредит стало тяжело платить... так не хотели они машину продавать, это ж у них вторая машина в семье, жена ездила аккуратно, муж за машиной следил, он сам в автобизнесе... Я слушаю, Витя такой чешет ей по ушам, только в путь! Но баба че-то постояла, передумала и ушла... И тут же какой-то пацан с матерью подходят следом...

- Ну да... – кивнул я улыбаясь.

- А ты видел, да!? – оживился и подскочил на сидении Сергей.

- Видел... – кивнул я. – Нормально он там заливает... как надо... Витя – ловкач...

- Аха! И эти такие подходят... сын с матерью и Витя такой... спокойно так, даже не напрягаясь, начинает им рассказывать – девочка знакомая ездила, работает менеджером в офисе в престижной фирме, взяла машину в кредит, а тут кризис... и теперь, вот, машину продает... машина хорошая, девочка аккуратная, каталась на ней бережно, жаль продавать, но приходится...

- Да, молодец Витя... – хмыкнул я с сарказмом. – Не то, что мы... Может, нам тоже, Серый, придумать какую-нибудь басню вот такую и втулять ее всем подряд, а!?

Я азартно глянул на напарника.

- Га-га-га! – гоготнул тот своим намеренно животным смехом, назначение которого я уже знал – полное довольство от моих действий или слов. И смех этот возникал всегда, когда я выказывал намерения или мысли не самые лучшие, а то и вовсе нехорошие. Будто Сергей поощрял меня им к дальнейшим действиям. Но выходило наоборот. Такой смех всегда действовал на меня отталкивающе и отрезвляюще, будто я приближался к опасной черте, за которой кончалось во мне тонкое человеческое и начиналось низкое животное. И я, отрезвляясь смехом напарника, не ступал за «красные флажки».

- Да, будем говорить что-нибудь типа – купил машину для себя бывший военный, полковник, пенсионер, выбирал ее тщательно и не успел поездить, срочно понадобились деньги, сын женился, ему на новую квартиру немного не хватает, приходится продавать папаше машину, авто отличное, пробег реальный... – выдал я тираду наигранно серьезным голосом, чем еще сильнее пронял Сергея.

- Да, да, точно! – развеселился он. – Давай, Роман, так и скажем в следующий раз! Как кто-нибудь подойдет, ты ему это сразу и скажи! У тебя классно получается!

- Да ладно... – отмахнулся я. – Чушь все это... так продадим... Пусть этой херней Витя занимается, у него на лице написано, что он проходимец...

- Да ладно, чё там у него написано, - буркнул Сергей уже безрадостно, скорее даже возразил недовольно.

- Ну как – чё написано... По лицу человека все видно... Ты же людей видишь сразу? Я посмотрел на Сергея, тот хотел ответить, но задумался. Угадав ответ, я добавил:

- Вот и я людей вижу... Витя – мелкий жулик с бегающими глазками...

- Ну вообще-то – да... – буркнул Сергей.

А ощущение подталкивания меня им к опрометчивым шагам подтвердилось еще не раз. Через пару недель я вновь убедился в таком скрытом намерении Сергея.

Вернувшись с авторынки, я после обеда пошел в свою квартиру, отметив, что уже привыкаю к ней. Вложенный труд во что-либо или в кого-либо создает привыкание. Став в некоем роде отдушиной, где я мог побыть один, квартира помогала отвлечься от мыслей физическим трудом. Дома обстановка снова накалялась. Отец подал на развод, но мать в назначенный день отказалась идти на саму процедуру.

- Ну вот такая она, - сказал отец после, когда мы в очередной раз везли с ним товар. – Как кричать, так хвост трубой, а как отвечать за свои слова, как дело касается чего-то конкретного, так она в кусты... И всю жизнь так было...

Последнюю фразу отец добавил ядовито с прищуром, зло затянувшись сигаретой.

- Я вот не понимаю, если честно! – воскликнул я, не зная, куда деть накопившиеся мысли и решив их высказать. – Я, конечно, понимаю, я сын и все такое, но мне все равно интересно, как вы умудрились вообще сойтись и пожениться? Вы же совершенно разные! Вам просто противопоказано жить вместе!

Отец принялся пространно рассказывать про свою молодость и момент знакомства с матерью. Я слышал такое впервые, было интересно. Оказывается, поженившись, они тут же переехали в Ставрополь, прожили там год, поругались, мать собрала вещи и вернулась в свой родной город. Вышла серьезная ссора, запахло разводом. Отец поехал за матерью и уговорил ее вернуться. Он пару ночей провел на вокзале, теща не пускала его в дом, мать не хотела видеть. Но как-то все уладилось, родители снова сошлись. Отец не вернулся на предприятие, а пошел служить в армию прапорщиком. Родители переехали по месту его службы в другой город, им дали служебную квартиру, там я и родился.

- Ну и че, мать все время что ли такая была? – буркнул я.

- Да не, не все время, - сказал задумчиво отец. – Да она вообще сначала нормальная была! Это потом она уже стала злой, нервной... Не была она такой по началу! Я помню ее хорошо – веселая, доброжелательная...

Яснее не стало. Что-то не сходилось во всей этой родительской истории, фактов не хватало. Я тоже ребенком помнил мать, она была не такой, лучше. Сейчас же стала просто невыносимой, от нее хотелось бежать подальше, лишь бы только никогда не видеть.

- Ну и ты снова будешь подавать не развод? – посмотрел я на отца, где-то в глубине души оставаясь в сомнениях, чувствуя его нерешительность.

- Буду, конечно! – на удивление твердо произнес он. – Это не жизнь...

- Ну вообще-то, раз уж начал, надо заканчивать, - кивнул я. – А то мать поймет, что ты струсил, и она тебя совсем тогда сожрет...

В кабине возникла напряженная пауза. Оба думали.

- Кстати, мать, может, это и образумит! – нашел я в голове спасительную мысль и тут же ее озвучил. – Если ты до конца настоишь на разводе и разведешься, то она поймет, что ты серьезно настроен, и притихнет... Она трусоватая по своей натуре. Просто струсит и притихнет, а там, глядишь, и все нормализуется еще у вас...

- Я с матерью жить не буду, - твердо сказал отец, глаза его сузились, взгляд застыл. Хоть я и поддерживал отца, но решению его удивился. Отец всегда поступал иначе, он мог дойти в конфликтах с матерью до любой точки кипения, но всегда откатывал назад. И все повторялось заново. А тут... видимо накопело окончательно и бесповоротно.

- Нам тогда еще надо было разводиться... – произнес отец. – Когда ты в школу еще ходил... лет одиннадцать тебе было... Я тогда уже понимал, что мы с ней жить не будем...

- Это – когда это?? – нахмурился я, копаясь в памяти.

- А когда она тебя послала ко мне на работу... Сама на проходной осталась, а тебя послала... Я тогда уже неделю дома не ночевал, спал на работе... а тут смотрю – ты идешь через плац... один... Пришел, стоишь – Пап, пойдем домой, тебя мама зовет, просила передать, что мы без тебя не проживем...

- А, да, помню! – закивал я, отчетливо увидев моменты – я иду через плац и стою уже перед отцом в какой-то комнате. Даже слова свои вспомнил, отец верно их повторил.

- Мне тебя жалко стало... Ты такой смышленный был... Если бы тебя не было, мы бы давно разошлись. А так, ты уже был. Я посмотрел на тебя, понял, что с ней ты пропадешь, не даст она ума тебе, будешь болтаться с ней как попало полуголодный, вырастешь потом, скажешь – отец бросил... такой-сякой... А я не хотел, чтобы ты так про меня думал...

- И вернулся, да?

- Да, вернулся... Вроде все наладилось, мать стала тихой, ласковой, приветливой... А потом снова...

«Это будет бесконечно», - понял я, внутренне вздрогнув от ощущения замкнутого круга, по которому бегал в отношениях с матерью отец, и отголоски которых невыносимо угнетали мою психику на протяжении всех лет моей жизни, какие я помнил. Подумал тут же об отношениях уже меня и отца. Они тоже складывались странно. Я уже не тянулся к нему как раньше, обвинение меня в воровстве пропало меж нами ров. Отец никак не стремился его устранить или преодолеть, я же считал себя оскорбленным. Но жизнь нас толкала друг к другу, будто нам еще предстояло пройти какой-то путь вместе и выяснить отношения до конца. Мы оба плавали в трясине жизни. У отца ей являлись отношения с матерью, у меня – такие же ненадежные отношения с партнером по бизнесу Сергеем. И я и отец искали опору, вот и прибились вновь друг к другу. Вынужденно.

Та фраза отца обо мне, маленьком, смышленном, могущем кануть в безотцовщине, тронула меня сильно. Я вновь вознес отца на моральный олимп, забыв все свои претензии. Но он позже вновь все испортил сам.

Едва я оказался в своей квартире и принялся за работу, в дверь постучали. Я знал – отец. Открыл, он вошел с виноватым видом. И причиной было мое решение делать ремонт максимально самостоятельно. Странная вышла у нас с отцом тяжба на этой почве. Едва я попросил его помощи, отец выказал надменное недовольство моей самостоятельностью. У него иногда проскакивал такой пункт – вот у меня в твои годы... или я в твои годы уже... И что-то там «уже». Меня такое тыканье, будто щенка в лужу собственной мочи, задевало сильно. Отец и в этот раз будто ждал, что я начну его упрашивать помочь мне с ремонтом. А я не стал. Взялся за все сам. И отец потрусил за мной. И стало только хуже, уважения к

отцу убавилось. Я так злился, когда видел этот его виноватый взгляд. Отец сразу убивал им во мне образ «отца», превращаясь в рядового мужика. Едва отец вошел в квартиру, я отвернулся, дабы не встретиться с ним взглядом. Отец так молча напрашивался обратно со своей помощью. Я не отталкивал и не приближал его. Все-таки отец. Но делать ему в тот день было нечего, пока я занимался плитусом, отец крутился рядом или бродил по квартире. Под конец он уселся в большой комнате спиной к батарее и, проведя ладонью по поверхности ламината, произнес:

- Мда... у меня никогда не было такого пола!

Я оторвался от работы, посмотрел на отца. Его взгляд мне стал понятен тут же – в детстве отец жил в деревне, где в доме пол был вообще земляной, позже, когда я родился, родители жили в служебной квартире с деревянным полом из кривых рассохшихся досок. По переезду уже в наш город отец получил квартиру в панельном доме, поверх бетонной плиты полом в которой служил линолеум. Время вновь ушло вперед, и теперь полы все укладывали ламинатом или паркетом. Отец будто отчеркнул себя сказанным от будущего, давая понять, что остался в своем времени, словно в уже отцепленном вагоне, который с каждым годом лишь замедлял инерцию своего хода.

Следующим утром разговор с Сергеем сам сполз на тему моих родителей, на душе мне было гадко и хотелось выговориться, я рассказал ему все.

- Разводятся!? – удивился тот, даже встрепенулся так, что сонливость ушла.

Я кивнул.

- И как же они жить теперь будут? – растерянно произнес Сергей. – Батя твой будет подавать на раздел квартиры или как?

- Да не, какой раздел, - отмахнулся я. – Как жили, так и будут жить какое-то время по разным комнатам... А потом отец планирует отселиться... Просто он хочет официально все оформить... Да я его понимаю... Мать – тяжелый очень человек... С ней надо жить на расстоянии... пришел на пару часов в гости, пока она тебе рада, и тут же свалил... и все...

Сергей молчал, слушал, лишь сунул руки назад меж головой и сидением.

- Мать я вот понять не могу, - продолжал я. – Ей, то ли всё похер, то ли она просто не понимает, что происходит... Просто, если я уеду, отец с ней разведется, как она жить и на что собирается? Вот это мне не понятно...

- Да че там не понятно!? – шмыгнул носом Сергей. – Ты в Москву уедешь и будешь ей присылать по десять тысяч в месяц, вот так она и жить будет!

- Ну, эт да, - кивнул я. – Если только так. Я-то присылать буду, это понятно... А по-другому никак... С матерью жить невозможно, у нее ужасный характер... Как отец на ней женился, вообще не понимаю... Говорит, такой раньше не была... Зачем вообще жениться, если такое дерьмо потом случается... Я только один смысл вижу – дети! Другого нет.

- Роман, да из-за детей и женятся и живут вместе... – буркнул Сергей.

- Да эт понятно, - кивнул я. – Просто терпеть эти выходки из-за детей тоже глупо... Никаких нервов не хватит... Иногда, вот реально, хочется просто взять и ударить... Чтоб просто заткнулась нахер!

- Ну ты ж мать бить не будешь?

- Да нет конечно! – мотнул головой я. – Поэтому и говорю, что бить не будешь же! Да я даже сейчас не про мать, а вообще про женщин! Просто бывают моменты в жизни, когда хочется ударить, потому что уже никакие слова не действуют! Взять, например, ту же Лилю... Бля, ну она себя так мерзко вела, что я еле сдержался, помню, тогда! И вот зря,

что женщин бить нельзя! Все это дебильное воспитание! Раз дал бы по башке, сразу бы затихла и фильтровала потом, что говорить, а что нет...

Я замолк опустошенный, выговорился. В машине стало тихо. Пару минут никто не произносил ни звука. Я уже мысленно поставил точку на теме разговора.

- А я раз Вёрку ударил, - будто из задумчивости произнес Сергей.

- Серьезно что ли!? – повернул я голову к нему в полном удивлении.

- Да, раз ударил ее, - тяжело выдохнул Сергей, выдернул руки из-за головы.

- А за что ты ее?

- Да она там полезла, куда не надо... – поморщился Сергей, заерзал на сидении. – Я ей раз сказал, чтоб не лезла... два сказал, а она снова... Там мы из-за нее чуть не получили! Ну и я не выдержал...

- Ударил?

- Да... ударил... – произнес Сергей, помолчал несколько секунд, добавил торопливо, будто стыдась. – Ну, я потом извинился перед ней, все там нормально потом было...

И снова в машине стало тихо. Сергей молчал от душевного дискомфорта, который буквально чувствовался. Я попытался представить Сергея, бьющего Веру где-то в стычке с какими-то людьми. И вдруг мое сознание стремительно само сложило из обрывков фраз Сергея картину происшествия. И вышла она странной. Я разглядывал картину, малейшие ее детали и вдруг понял, что «получить» должен был Сергей. Один! А не он и Вера. Слово «мы», сказанное Сергеем, выпадало из смоделированной картины. Прилепить его обратно у меня уже не получалось. Вместо «мы» в рассказ само нырнуло «я». Стало ясно – Сергей при рассказе соврал лишь в одном этом месте. Тонкий момент, почти незаметный, но как разительно отличались при его искажении истории. Там, где «мы» – боязнь Сергея за двух людей, а где «я» – за себя. Сергей ударил Веру от страха за себя! Испугался, что избьют его! Одно – прыгать и имитировать «боксера» в компании своих, зная, что есть за спиной другие, кто реально может. А другое – оказаться самому в опасности и обнаружить свою несостоятельность. А этого допустить нельзя было. И выход был найден.

Я вынырнул из размышлений. Мы по-прежнему сидели в полной тиши. Наверное, прошла минута, две... Я в который раз удивился – мозг работал сам, он будто упражнялся, забавлялся... Будто тот самый маленький мальчик во мне никак не мог собрать игрушку из разрозненных частей, процесс застопорился из-за стоявшей криво детали. Мальчик нашел ее, переставил правильно, и сборка пошла дальше...